

КОМПЛЕКТНОСТЬ ЕЛЫКАЕВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ*

Юрий Викторович Ширин

Аннотация. Елыкаевская коллекция включает один из наиболее богатых оружейных «кладов» Западной Сибири. Она имеет сложную историю формирования, не все этапы которой объективно документированы. Мы не знаем, при каких условиях в нее были включены некоторые экспонаты, а при каких случались утраты. В публикациях, посвященных Елыкаевскому «кладу», исследователи давали противоречивую информацию о составе коллекции. Сомнения в достоверной комплектности Елыкаевской коллекции порождали дискуссии по хронологии и культурной принадлежности комплекса. Нами был составлен полный каталог Елыкаевской коллекции в фондах МАЭС ТГУ, где она хранится. Проведенное исследование позволило распознать в современном составе коллекции подмену утраченных предметов чужеродными изделиями. Все они представлены типами раннесредневековых артефактов. Они резко выделяются из основного состава предметов вооружения Елыкаевского «клада». Рассмотрены особенности изделий коллекции, которые не были отражены в ранних публикациях. С учетом представленных сведений увеличивается вероятность отнесения елыкаевского комплекса вооружения к финалу эпохи раннего железа (первая половина I тыс. н. э.). Более точная датировка этого комплекса требует специального исследования. Сохраняется вероятность того, что в коллекции есть и не явные подмены. Также в коллекцию могли быть включены предметы хронологического периода основного состава «клада», но из других комплексов. К таким предметам относятся почти все изделия культового литья. Кроме этого, удалось выявить комплекс архивных документов периода обнаружения «клада», которые помогли составить объективное представление об основном составе Елыкаевского «клада».

Ключевые слова: Западная Сибирь, Елыкаевская коллекция, оружейные «клады», культовое литье

Введение

Почти все древние культовые комплексы Западной Сибири – так называемые «клады», содержащие медное и бронзовое культовое литье, бронзовые бляхи и зеркала, украшения и предметы вооружения – были обнаружены и извлечены из земли случайно и не имеют документальной фиксации своей комплектности. Не повезло в этом отношении и коллекции, собранной в начале XX в. на Елыкаевском культовом месте.

* Исследование выполнено в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

В настоящее время она хранится в фондах МАЭС им. В.М. Флоринского ТГУ (Инв. кн. № 7, колл. № 5959).

Точное место находки Елыкаевского «клада» до сих пор не установлено. На основании отрывочных сведений можно только предполагать, что оно располагалось на гриве, примерно в двух километрах от с. Елыкаево, в Кемеровском районе Кемеровской области (по современному административному делению). В начале XX в. это село входило в Кузнецкий округ Томской губернии. Местные волостные органы власти вскоре выслали предметы в Томское губернское управление для принятия решения о выдаче вознаграждения находчику. Оттуда Елыкаевский «клад» был передан 16 января 1909 г. ректору Томского университета В.В. Сапожникову. Тот, в свою очередь, с соответствующим сопроводительным письмом передал коллекцию в Археологический музей университета – его хранителю, которым в те годы был А.В. Адрианов. В письме ректор перечислял следующие предметы: «...38 железных сабель, 17 кинжалов, 9 наконечников для пик, 61 стрелу, 10 круглых блях, одно медное кольцо, одну литую фигуру коня и несколько мелких обломков блях... предметы эти, по сообщению Губернатора, вырыты из земли 31 мая 1906 г.» (МАЭС ТГУ. Архивный отдел. Д. 12а. Л. 22). На полях документа рукой А.В. Адрианова приписано карандашом: «137 предметов¹ (железных и медных) и несколько обломков. Выяснить условия нахождения, кто именно нашел, на какой глубине, не сопровождалась ли предметы каким устройством и прочее...». К сожалению, пока не обнаружено никаких материалов, которые бы указывали на то, удалось ли А.В. Адрианову должным образом выполнить намеченное.

Обстоятельства находки скопления древностей у с. Елыкаево в дальнейшем стали еще большей загадкой, так как все сопроводительные бумаги, в том числе и письмо ректора, затерялись. Забылось даже кто² и в каком именно году обнаружил этот «клад». Во всяком случае в публикациях, упоминающих Елыкаевскую коллекцию, можно встретить самые противоречивые сведения на этот счет.

Что касается достоверности состава Елыкаевской коллекции, от чего зависит не только датировка этого комплекса, но и его историко-культурная интерпретация, то практически всеми исследователями это воспринималось как объективная данность, документированная музейными инвентарными записями. Тем самым, по сути, игнорировался важнейший этап в области внешней критики источника. Мы хотим восполнить, насколько это возможно, данный пробел.

Состав коллекции по музейным документам

Почти всю вторую половину XX в. основным источником информации о составе и численности предметов Елыкаевской коллекции оставались краткая запись в Главной инвентарной книге МАЭС ТГУ³, а

также отдельно сброшюрованная коллекционная опись с кратким описанием экспонатов и схематичными карандашными зарисовками некоторых из них, составленная не ранее 1950-х гг. В этой описи перечислено 148 номеров (таблица). Отметим, что это больше, чем указано в пометке на полях письма В.В. Сапожникова. Отличается в музейной описи и число некоторых категорий предметов.

Для того чтобы снять вопрос, почему исследователей не настораживало несовпадение списка передаваемых ректором университета предметов и имеющейся музейной описи Елыкаевской коллекции, следует указать, что письмо В.В. Сапожникова не было доступно до 1990-х гг., затерявшись среди бумаг в архивных делах МАЭС ТГУ.

Обратившись к предметам Елыкаевской коллекции, можно заметить, что на них стоит двойная маркировка. Рядом с крупными старыми лаковыми номерами черной тушью по белой эмали, а иногда и прямо на поверхность предмета, проставлены новые номера. Лучше всего старые номера заметны на длинных клинках. При этом именно на них произошла замена всех внутренних коллекционных номеров. На других предметах они при повторной маркировке были соответственно продублированы. Во всяком случае это видно на тех изделиях, где старая маркировка уцелела. Так как новые номера длинных клинков совпадают с нумерацией в нынешней коллекционной описи, наиболее вероятно, что вторичная маркировка проведена при ее составлении. Наличие первичной маркировки на предметах Елыкаевской коллекции позволяет предполагать существование и старой коллекционной описи. Ее обнаружение могло бы прояснить некоторые моменты в новой описи. Отметим, что самый большой внутренний коллекционный номер по первичной маркировке – 147.

В ныне существующей описи Елыкаевской коллекции ничего не сказано о нескольких предметах, видимо, отсутствующих на момент ее составления, – о двух наконечниках стрел (№ 42 и 92), о копье (№ 102) и кинжале (№ 125). Собственно говоря, там даже не указано, что за экспонат был маркирован тем или иным номером. Об этом можно только догадываться на основании того, что предметы в описи перечислены по категориям, отдельными группами, а отсутствующие описания находятся внутри той или иной группы. По акту от 07.03.1957 г. эти предметы и еще 3 наконечника стрелы были списаны.

Отражение в публикациях сведений о составе Елыкаевского «клада»

Весьма специфическую информацию о численности предметов в Елыкаевской коллекции дают публикации, ей посвященные. Наиболее ранней из этих работ следует признать рукопись томского археолога Р.А. Ураева, подготовленную им в 1950-х гг. и переданную для публикации в Кемеровский пединститут (ныне КемГУ), где она и хранится в

архиве МАЭЭ КемГУ (Оп. 1. Д. 523)⁴. В этой рукописи Р.А. Ураев отмечает совпадение большинства категорий изделий в составах Елыкаевского «клада» и Ишимской коллекции, поступившей в 1911 г. в Красноярский музей (Ермолаев, 1914). В качестве других аналогий были рассмотрены материалы из памятников Минусинской котловины, Алтая, Верхнего и Среднего Приобья. По мнению Р.А. Ураева, Елыкаевский «клад» представлял собой либо жертвенное место, либо остатки разрушенного погребального комплекса. Он предлагал рассматривать данный «клад» в рамках единой археологической культуры с такими памятниками Среднего Приобья, как Кулайское, Парабельское, Кривошеинское культовые места и Томский могильник. Р.А. Ураев писал, что перечисленные памятники «не только аналогичны между собой, но и составляют единую, более или менее совпадающую по своим материальным и духовным комплексам, так называемую кулайскую культуру Среднего Приобья» (Архив МАЭЭ КемГУ. Оп. 1. Д. 523. Л. 13). Взгляды Р.А. Ураева на кулайскую культуру были ошибочны в том плане, что он включал в состав перечисленных выше памятников и раннесредневековые могильники Притомья – Большекиргизский и Архиерейский, считая все эти комплексы одновременными, датируемыми (с опорой на монеты из Большекиргизского могильника) VI–VII вв.

Р.А. Ураев, ссылаясь на инвентарную книгу МАЭС ТГУ (кн. № 7, колл. № 5959), указывает, что общее число предметов в Елыкаевской коллекции 148. Судя по ряду несоответствий в рукописи данным коллекционной описи, она по какой-то причине была не доступна исследователю. В частности, Р.А. Ураев указывал иное количество некоторых категорий находок. Так, называя общее число наконечников стрел, он говорит о 66 единицах (по коллекционной описи их 61)⁵. При характеристике длинных клинков из оружейной части Елыкаевской коллекции (автор не говорит сколько их) Р.А. Ураев среди однолезвийных клинков отмечает один двулезвийный меч, в то время как в описи их отмечено 2 (в настоящее время в коллекции тоже есть 2 меча). У 4 длинных клинков он отметил кольцевое навершие черешковой рукояти (в описи их 5, как и сейчас в коллекции), а у 6 – железные перекрестья на рукоятках (в описи они указаны у 4 клинков, как и сейчас в коллекции). Категорию «кинжалы» Р.А. Ураев разделил, выделив 12 кинжалов и 2 черешковых однолезвийных ножа. Он отметил, что все кинжалы целые и хорошей сохранности, а у одного из ножей отломана половина лезвия. В описи же в числе коротких клинков перечислено 19 единиц (с учетом списанного в 1957 г.). Условно «целых» кинжалов в коллекции в настоящее время действительно 12. Еще 2 кинжала представлены обломками с черешками рукояток, а 2 – обломанными двулезвийными кончиками (связь этих пар обломков друг с другом не очевидна). Ножей в описи 2 (как и сейчас в коллекции), и у одного из них утрачен однолезвийный кончик.

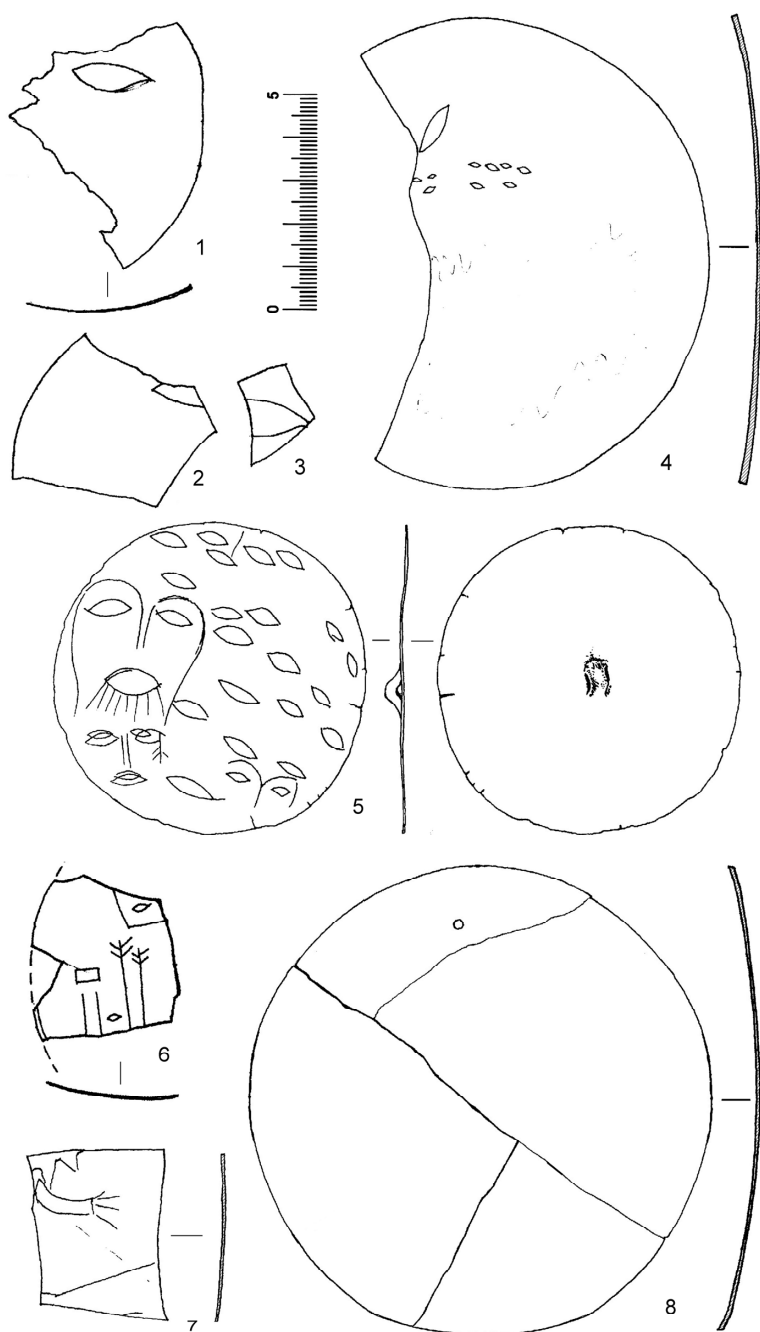

Рис. 1. Бронзовые бляхи и их обломки из Елыкаевской коллекции.
 1 – № 5959/138-1; 2 – № 5959/138-3; 3 – № 5959/138-2; 4 – № 5959/136;
 5 – № 5959/134; 6 – № 5959/138-4, 11; 7 – № 5959/138-5; 8 – без номера

Как видно, в этой категории общее число изделий также отличается от числа из списка В.В. Сапожникова. Указано Р.А. Ураевым и иное количество втульчатых наконечников копий – 5 экземпляров (в описи – 9, как и сейчас в коллекции).

Сложнее всего установить число бронзовых блях, собранных на Елыкаевском культовом месте, так как некоторые из них представлены однотипными обломками. Р.А. Ураев упоминает 4 зеркала, одно из которых собрано из осколков: 3 зеркала диаметром около 11 см (в описи есть только одно зеркало такого размера – № 136 (рис. 1, 4), у него утрачен большой фрагмент кромки), 1 зеркало поменьше (с ушком в центре; в описи и коллекции есть подобное зеркало диаметром 7,5 см (рис. 1, 5) – № 134). Кроме этого, Р.А. Ураевым выделены 7 круглых бляшек диаметром от 4,5 до 6,5 см и небольшой осколок зеркала с китайскими иероглифами (все они в наличии и отмечены в описи). Подсчет изделий осложняется тем, что некоторые бляхи (с концентрическими проточками) описываются Р.А. Ураевым без упоминания о том, что речь идет о фрагментах, более или менее крупных. Это становится понятным при знакомстве с описью и коллекцией. Обломки нескольких гладких тонких бронзовых зеркальных блях собраны в описи под № 138. Всего таких обломков 13, контуры их зарисованы и пронумерованы. В настоящее время в коллекции отсутствуют два из этих осколков – 6-й и 8-й. Есть круглая бронзовая бляха-зеркало, собранная из четырех фрагментов (рис. 1, 8), аналогичная по типу и размеру (диаметр 112 мм, в 13 мм от кромки просверлено отверстие) бляхе № 136 (рис. 1, 4), но отсутствующая в описи.

Кроме того, в описи Елыкаевской коллекции и рукописи Р.А. Ураева есть предметы, вообще не упомянутые в списке В.В. Сапожникова: 3 фрагмента бронзовой орнитоморфной фигурки с личиной на груди (рис. 2) (в описи представлены двумя номерами, как два различных изделия), профильная ажурная отливка лося (рис. 3), крупная бронзовая личина с двумя вертикальными полосами меандроидного узора на рифленом ошейе (рис. 4), фигурка стоящего на задних лапах медведя (в описи назван совой) с человеком в лапах (рис. 5).

В 1968 г. в статье В.А. Могильникова впервые были опубликованы основные категории инвентаря Елыкаевской коллекции и предложена их культурно-хронологическая атрибуция (Могильников 1968). Исследователь обратил внимание на хронологическую разнородность Елыкаевского комплекса. Он отнес Елыкаевский «клад» к «жертвенным местам», на которых случайным образом могли концентрироваться предметы разных хронологических периодов. Основная масса вещей коллекции, по его мнению, принадлежит к VII–VIII вв., меньшинство составляют «антикварные» предметы IV в. до н. э. – I в. н. э., а изделий первой половины I тыс. в составе «клада» нет (Могильников 1968: 268).

Рис. 2. Бронзовая орнитоморфная фигурка, сложенная из 3 фрагментов, представленных в Елыкаевской коллекции двумя номерами (№ 5959/139, 5959/147)

Рис. 3. Медная фигурка лося из Елыкаевской коллекции (№ 5959/141)

Рис. 4. Бронзовая личина из Елыкаевской коллекции (№ 5959/142)

Рис. 5. Бронзовая фигурка медведя из Елыкаевской коллекции (№ 5959/143)

Причисляя к выделенным в составе коллекции антикварным предметам медные фигурки кулайского типа и обосновывая этим случайность их попадания в поздний культовый комплекс, В.А. Могильников подверг критике утверждение Р.А. Ураева о включении Елыкаевскогоклада в число памятников кулайской культуры (Могильников 1968: 268).

По мнению В.А. Могильникова, стрелы Елыкаевского «клада» тюркские по происхождению и широко распространяются в VII–VIII вв. в степной полосе Сибири (Могильников 1968: 263), а аналогии рубяще-колющему оружию были им отмечены в памятниках VII–X вв. (Могильников 1968: 256). В дальнейшем большинство исследователей, упоминавших в своих работах Елыкаевские находки, поддерживали интерпретацию памятника, предложенную В.А. Могильниковым, а также и датировку (Плотников 1987: 121; Соловьев 1987; Чиндина 1991: 37, рис. 1), несмотря на известные более ранние аналогии для предметов Елыкаевского оружейного комплекса (наконечников стрел, палашей, кинжалов, копий). Ю.С. Худяков высказал предположение, что верхняя дата для елыкаевского оружия может быть поднята до IX–X вв. (Худяков 1993: 52). Вслед за В.А. Могильниковым исследователями отмечалось, что в составе Елыкаевского «клада» имеются и «антикварные» вещи, относящиеся к раннему железному веку (Мартынов 1973: 76–77, 79; 1979: табл. 52, 12–17; Плотников 1987: 125; Худяков 1993: 48).

Судя по всему, В.А. Могильников к моменту публикации Елыкаевской коллекции был знаком с ней очень поверхностно, в основном, положившись на фотографии и зарисовки. Так, он пишет, что на елыкаевских зеркальных металлических бляхах нет гравировок (Могильников 1968: 266). Но гравировки на них есть. Они есть и на целых зеркалах, а также на некоторых мелких фрагментах (см. рис. 1, 1–7). И эти рисунки сложно не заметить при личном осмотре изделий. Гравировки на бляхах из Елыкаевской коллекции вскользь упомянуты и в рукописи Р.А. Ураева. Фрагментированные обломки одного предмета, ошибочно записанные в коллекционной описи под разными номерами (№ 139, 147) (см. рис. 2), В.А. Могильников так и представил в публикации, как части двух разных фигурок (Могильников 1968: рис. 3, 8, 11). К фотографии крупного ножа им ошибочно была дана подпись: «сабля» (Могильников 1968: рис. 1, 19). Комплектность Елыкаевской коллекции В.А. Могильников вообще не рассматривал. Все категории оружия на рисунках представлены только основными типами, без указания их числа в коллекции, за исключением «мечей»: отмечено, что их 38 единиц (Могильников 1968: 263).

В статье Н.М. Зинякова, посвященной металлографическому анализу оружейной части Елыкаевской коллекции (Зиняков 1976), весьма показательно отразилась ее внутримузейная «жизнь». В середине 1970-х гг. из

числа железных предметов вооружения исследователю оказались доступно только 36 длинных клинков, 13 кинжалов (с учетом того, что Н.М. Зиняков посчитал возможным объединить 2 пары обломков в 2 кинжала) и 58 наконечников стрел. Неизменным осталось только число ножей – 2, и наконечников копий – 9 (Зиняков 1976: 106–113).

При публикации Елыкаевских материалов авторы несколько раз допускали ошибки, включая в состав коллекции инородные предметы. Так, В.А. Могильников среди предметов Елыкаевского «клада» опубликовал обломок раннесредневекового бронзового изделия из Васюганского «клада» (Могильников 1968: рис. 3, 6), А.И. Мартынов – ажурную отливку оленя (Мартынов 1973: рис. 41, 18), А.И. Соловьёв – железный меч (Соловьёв 1987: рис. 10, 8), а Н.М. Зиняков – железный кинжал (Зиняков 1988: рис. 13, ан. 910) неизвестного происхождения.

О вероятных инородных включениях

Нельзя сказать, что вопрос о достоверной комплектности Елыкаевской коллекции вообще не возникал ни в одной из публикаций, посвященных изучению «клада», или отдельных категорий изделий, его составляющих. Например, Ю.А. Плотников, который одну из своих работ полностью построил именно на обыгрывании состава Елыкаевской коллекции (Плотников 1987), удивительно сходного с иными культовыми комплексами Западной Сибири, все же осторожно предполагал, что некоторые предметы могли попасть в коллекцию уже в музей (Худяков 1993: 48).

Проблема неочевидной комплектности Елыкаевской коллекции была затронута в ходе критического разбора оснований раннесредневековой датировки, принятой для ее оружейной части (Ширин 2003: 115–121). В современном составе Елыкаевского «клада» действительно есть предметы вооружения средневековых типов: сабля № 5959/12 (рис. 6) и наконечники стрел № 5959/94 и 5959/98 (рис. 7, 3, 4). Они выделяются из основной массы оружия Елыкаевской коллекции не только типологически, но и технологией изготовления. Сабля № 5959/12 к тому же имеет слабо заметную гравированную арабскую надпись на лезвии в районе рукоятки (рис. 6, Б). Именно эти предметы могли использоваться и использовались как доказательства для завышения общей хронологии Елыкаевского «клада». Но констатация этого факта была бы не полной без указания того, что, вероятнее всего, эти бесспорно средневековые предметы чужеродны для Елыкаевской коллекции и попали в ее состав уже в фондах музея.

Как мы уже отмечали, на предметах Елыкаевской коллекции (оружие и некоторые бронзовые изделия) одним почерком, красновато-коричневой лаковой краской, при первичной маркировке проставлены общий номер коллекции (5959) и индивидуальный номер изделия.

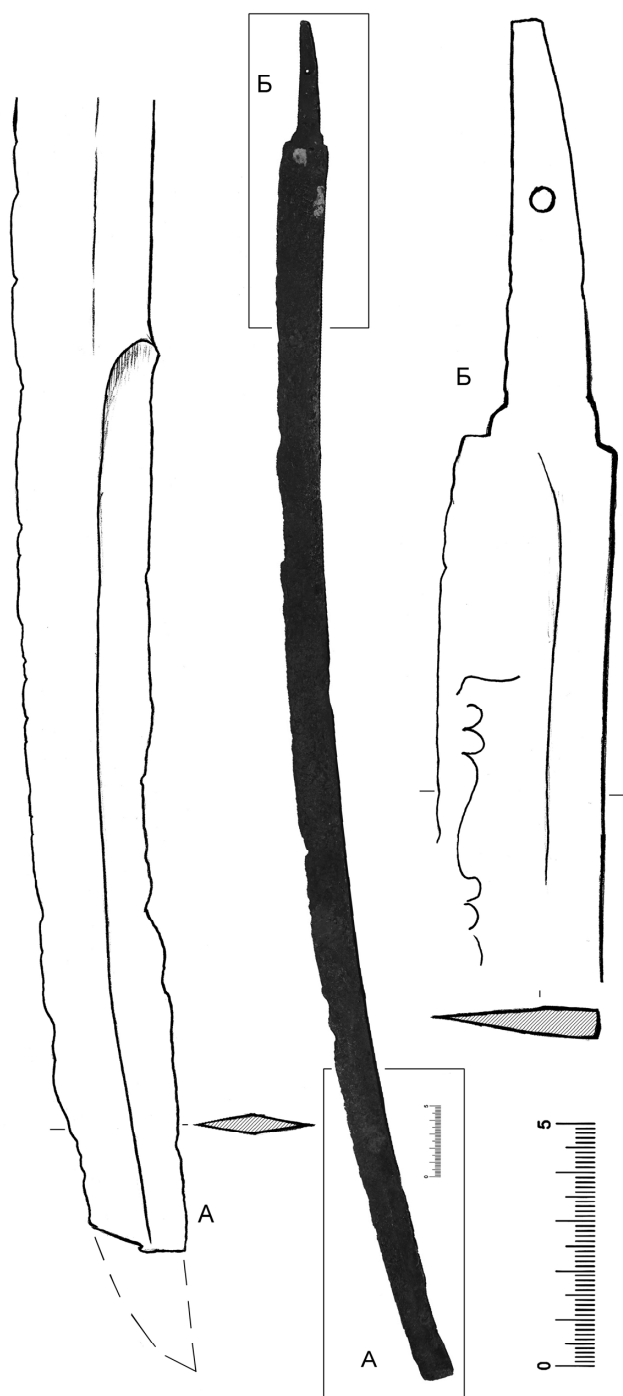

Рис. 6. Железная сабля из Елыкаевской коллекции (№ 5959/12):
А – спиленный кончик острия сабли; Б – гравированная надпись на лезвии

Нам представляется не случайным, что на всех перечисленных выше средневековых предметах нет старых лаковых номеров. Этот факт позволяет утверждать, что данные предметы были в определенное время подложены в коллекцию взамен утраченных. Такие подмены известны во многих музеях. Они могут происходить при выявленных недостатках в ходе контрольных сверок. Особенно часто это случается с теми из ранних поступлений, для которых не был своевременно проведен вторичный учет с подробным описанием каждой из коллекционных единиц. Наиболее очевидна эта подмена в Елыкаевской коллекции на примере сабли под № 12 (рис. 6). Видимо, вскоре после того, как эта чужеродная сабля была включена в состав коллекции, еще до завершения составления описи, был обнаружен подлинный клинок со старым лаковым номером (№ 5959/4). Его пришлось включить в коллекцию в конце списка, под № 148. И если превышение общего числа предметов в коллекции объективно могло быть проигнорировано за счет того, что обломки бронзовых изделий позволяли заметно варьировать эту величину, то странно, что никто не обратил внимания на то, что число длинных клинков превысило 38 единиц. Сабля, описанная под № 12, в настоящее время исключена из Елыкаевской коллекции, но все инородные стрелы пока по-прежнему в ее составе.

По списанным в 1957 г. из Елыкаевской коллекции пяти наконечникам стрел (№ 42, 56, 82, 83, 92) необходимо отметить, что почти все они сейчас имеются в наличии. Наконечники № 56, 82, 83 полностью соответствуют своему описанию, причем для № 56 в описи есть и рисунок, подтверждающий, что в коллекции находится именно этот наконечник. Для № 42 и 92 в описи Елыкаевской коллекции отсутствуют текст и изображения, позволяющие каким-либо образом идентифицировать эти наконечники стрел. Изделие под № 42 теперь в коллекции представлено трехлопастным удлинено-треугольным наконечником стрелы с круглыми просечками (рис. 7, 1).

Проблема в том, что известно фото, на котором под этим же номером запечатлен наконечник иного типа – ярусный. Сомнение в принадлежности наконечника № 42 составу Елыкаевской коллекции усиливает и то, что в месте сочленения лопастей после упора у него отсутствует осевая жилка. Этого технологического элемента, общего для всех наконечников стрел коллекции, нет и у подменных средневековых наконечников № 94 и 98 (рис. 7, 3, 4). Наконечник под № 92, о котором в акте списания сказано, что у него в лопастях были фигурные прорезы (источник информации не ясен), в коллекции по-прежнему отсутствует. Но есть другой наконечник, имеющий только вторичную маркировку с этим номером (рис. 7, 2). Здесь мы также можем предполагать инородную подмену. Списанный в 1957 г. кинжал № 125 в коллекции отсутствует. Остается вероятность, что именно он опубликован

Н.М. Зиняковым (1988: рис. 13, ан. 910), но, к сожалению, подобное изделие до сих пор не выявлено в фондах МАЭС ТГУ.

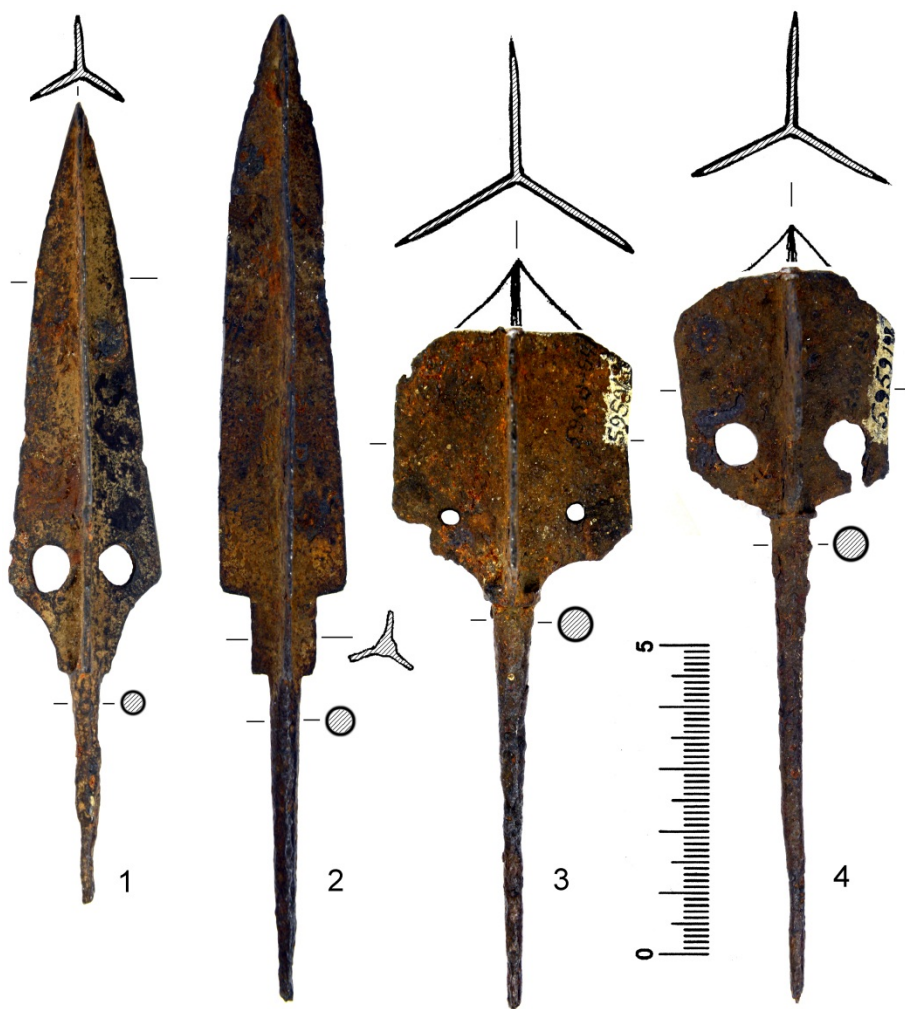

Рис. 7. Железные наконечники стрел из Елыкаевской коллекции:
1 – № 5959/42; 2 – № 5959/92; 3 – № 5959/94; 4 – № 5959/98

С «кинжалами» Елыкаевской коллекции связано еще одно трудно-объяснимое наблюдение. Повторим, что все предметы в коллекции маркировались группами. При вторичной маркировке общее число «кинжалов» 19 не изменилось. Это видно потому, что первичная маркировка сохранилась на последних предметах этой категории. Но это число больше, чем указано в письме В.В. Сапожникова (17). Самое простое объяснение, которое можно предложить, состоит в том, что до

первичной маркировки 2 кинжала сломались и каждый обломок был маркирован независимо друг от друга. И хотя такие обломки в коллекции действительно есть, мы не можем подтвердить наше предположение простым совмещением обломков. В ходе взятия образцов для металлографических исследований торцы сломов были спилены. Металлография также не может в этом помочь, так как Н.М. Зиняков, посчитав обломки соответствующими друг другу, взял спил только с одного из обломков у каждой из пар. Таким образом, пока мы можем полагаться только на то, что он был прав.

Новые источники о составе Елыкаевского «клада»

Современный состав Елыкаевской коллекции таков: 38 длинных клинков (36 однолезвийных и 2 двулезвийных), 2 ножа и 12 кинжалов, а также 4 их обломка, 61 наконечник стрел (4 из которых подменные), 9 наконечников копий, 8 бронзовых круглых блях разных типов (2 одна из которых без номера и отсутствует в коллекционной описи) собраны из кусков), 15 обломков блях и зеркал разных типов (4 обломка имеют номер, еще под одним номером объединены 11 разнотипных обломков), медное, видимо, портупейное овальное кольцо с ажурным внутренним выступом, бронзовая профильная фигурка лошади, бронзовая полая отливка в виде головы бобра, медная орнитоморфная фигурка с личиной на груди (сохранилось 3 обломка), медная ажурная профильная фигурка лося, бронзовая личина, бронзовая фронтальная фигурка медведя на задних лапах с человеком перед ним.

Совсем недавно в ГАТО найдены документы, благодаря которым история Елыкаевского «клада» немного начала проясняться. Анализируя архивные документы и пометки на них, теперь можно более полно восстановить основные этапы обретения Елыкаевской коллекции (Ожередов 2011: 78–79). Кроме того, новые документы позволяют вновь обратиться к проблеме комплектности Елыкаевской коллекции.

Несмотря на официальный характер канцелярской переписки, возникшей в 1906–1909 гг. вокруг елыкаевских древностей, ни в одном из документов нет перечня находок исчерпывающей полноты. Предметы вооружения, как основная составляющая «клада» и узнаваемые категории древностей, во всех описях выведены на первый план. Прочие находки, часть из которых была представлена обломками, перечислены сбивчиво и обобщенно. Порой разные авторы документов используют свои термины для описания находок. Иногда приходится догадываться, о чем они пишут. Так, вполне вероятно, что за словами «надо полагать, что свисток» скрывается полое «навершие» в виде головы бобра, имеющееся в составе коллекции. Остается только сожалеть, что при приеме предметов от находчика не было составлено более детальной описи,

содержащей индивидуальные размеры находок, не сделано фотографий или рисунков, позволяющих соотнести опись и предметы коллекции. Тем не менее теперь, помимо современной музейной коллекционной описи, у нас есть несколько первичных списков разной степени полноты. Соотношение численности основных категорий находок, упомянутых в этих документах, мы представили в таблице.

Состав Елыкаевской коллекции по различным источникам

Изделие	Список волостного старшины 12.06.1906	Список крестьянского начальника 28.06.1906	Список волостного заседателя 17.07.1906	Список полицейского исправника 31.08.1906	Список Н.Л. Гондагги 16.01.1909	Список В.В. Сапожникова 19.01.1909	Список Р.А. Ураева 1950-е гг.	Коллективная опись МАЭС ТГУ. Вторая половина XX в.
Длинные клинки	38	38	38	38	38	38	Есть	39
Кинжалы	17	17	17	17	17	17	14	19
Наконечники копий	9	9	9	9	9	9	5	9
Наконечники стрел	63	63	63	63	63	61	66	61
Бляхи и зеркала	10	10	10	10	10	10	11	7
Пряжка-«кольцо»	1	1	1	1	1	1	1	1
Фигурка коня	1	1			1	1	1	1
Полая голова бобра	1	1			1		1	1
Обломки блях и зеркал		Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	17
Фигурка в обломках							2 (1)	2 (1)
Лось ажурный							1	1
Личина							1	1
Медведь с человеком							1	1
Итого	140	140	138	138	140	137 (147)	148	148

Источники: ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 73; МАЭС ТГУ. Архивный отдел. Д. 12а. Л. 22; Архив МАЭЭ КемГУ. Оп. 1. Д. 523.

Как видно, заметных расхождений в числе находок нет. Наиболее полный их список, восстановленный по первичным документам таков: 38 сабель железных, 17 железных кинжалов, 9 железных наконечников для копий, 63 железных трехлопастных наконечников для стрел, 10 больших и малых круглых блях из какого-то неопределенного сплава (не менее чем на трех отмечены гравировки фигур людей и птиц), 1 медное кольцо (обложенное каким-то металлом), 1 небольшая полая бронзовая отливка, похожая на свисток, 1 литая бронзовая фигурка коня, несколько (около десятка) мелких обломков блях (ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 73. Л. 1–1 об.).

Именно в таком составе Елыкаевский «клад» был передан томским губернатором Н.Л. Гондатти ректору ТГУ В.В. Сапожникову⁶. От ректора, как видно из приведенного в начале текста сопроводительного письма, практически в той же комплектации «клад» поступил в Археологический музей ТГУ. Можно отметить только то, что наконечников стрел стало на два меньше. Их судьба нам не известна. Так же, как не известны и условия, при которых вскоре изменилось и общее число предметов в коллекции № 5959: со 137 до 147 единиц⁷.

К сожалению, так и остались неизвестны условия появления в составе коллекции 4 предметов, не упомянутых ни в одном из первичных перечней: личины, ажурного лося, медведя с человеком в лапах, орнитоморфной фигурки. Если последнее изделие, будучи фрагментированным, еще могло остаться незамеченным и быть учтенным вместе с обломками бронзовых блях, то три другие, весьма аттрактивные, непременно были бы отмечены, если бы изначально присутствовали в составе «клада».

Не исключено, что эти культовые изделия остались у находчика «клада» и были получены А.В. Адриановым в ходе разбирательств с обстоятельствами его обнаружения. Это тем более возможно, потому что они практически идентичны тем предметам, которые известны в Ишимской коллекции. Ишимская фигурка медведя словно отлита в одной форме с фигуркой из Елыкаевской коллекции (Ермолаев 1914: табл. VI, 5).

Возможно и то, что А.В. Адрианов провел дополнительное обследование места находки. Но до подтверждения такой возможности мы не можем исключать и иные обстоятельства пополнения Елыкаевской коллекции, а также чужеродность этих изделий для нее.

Заключение

Проведенный анализ комплектности Елыкаевской коллекции показывает весьма сложную историю ее формирования, не все этапы которой объективно документированы. В условиях бесконтрольных (не сопровождаемых актами внутримузеевых передач) перемещений отдель-

ных экспонатов случалась утрата некоторых из них. Иногда предметы вновь обнаруживались, но иногда происходила и подмена недостатч чужеродными изделиями (рис. 6, 7). В некоторых случаях такие подмены удастся распознать, но вероятность того, что в коллекции есть не явные подмены, остается. К сожалению, очень мало шансов, что мы когда-нибудь узнаем, каким образом в составе Елыкаевской коллекции появились наиболее эффектные бронзовые культовые изделия (рис. 3–5). Многочисленные публикации этих предметов превратили их в своеобразную визитную карточку Елыкаевского культового места. Тем не менее до прояснения всех вновь выявленных обстоятельств их первоначальная роль уже не может быть прежней.

Таким образом, следует различать Елыкаевский «клад» и Елыкаевскую коллекцию, не все экспонаты которой могут отражать состав предметов, собранных на соответствующем культовом месте. Несмотря на это, Елыкаевская коллекция еще долго будет оставаться самым крупным собранием оружия для одной из наименее изученных эпох на юге Западной Сибири. Именно в этом качестве она никогда не утратит своего значения. С учетом представленных сведений увеличивается вероятность отнесения елыкаевского комплекса вооружения к финалу эпохи раннего железа (к первой половине I тыс. н. э.). Именно такая хронологическая атрибуция может быть предложена и для Елыкаевского «клада», и для типологически аналогичных ему комплексов оружия – из Ишимской коллекции, Парабельского культового места и Томского могильника (Ширин, Хаврин 2012). Развернутая аргументация этого – тема специального исследования.

Примечания

¹ На полях документа также стоит пометка чернилами – Колл. №5959/1-147. Последняя цифра – 147 (общее число предметов по коллекционной описи) – проставлена в виде исправления позже, поверх цифры 137. Когда и за счет чего произошло увеличение итоговой цифры – информации нет.

² Только недавно имя находчика стало известно: Игнатий Моисеев(ич) Шариков из Ячинской инородной управы в д. Елыкаево (ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 73. Л. 2).

³ Следует учитывать, что все доступные в настоящее время первичные музейные записи, связанные с Елыкаевской коллекцией, сделаны в разные периоды советского времени (не ранее 1940 г.).

⁴ Рукопись так и не была издана. Еще один ее вариант хранился в семейном архиве Р.А. Ураева, который недавно передан в ТОКМ.

⁵ Нельзя исключать и возможные опечатки в рукописи Р.А. Ураева. В ней есть неясные места, ошибки согласования слов в предложении, несоответствия описываемых изделий и указанного общего их числа. Осложняет работу с рукописью и утрата большинства иллюстраций, на которые есть ссылки в тексте.

⁶ Важно заметить, что по неясным причинам Елыкаевский «клад» пролежал в канцелярии Губернского управления более 2 лет. Впрочем, опираясь на выявленные новые документы, мы можем видеть, что это не сказалось на комплектности «клада».

⁷ Пометка на полях письма В.В. Сапожникова (МАЭС. Архивный отдел. Д. 12а. Л. 22).

Литература

- Ермолаев А. Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Красноярск, 1914. Вып. 1. 19 с. 8 табл.
- Зиняков Н.М. Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 1976. С. 106–114.
- Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 276 с.
- Мартынов А.И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Новокузнец. полиграф. комбинат, 1973. Вып. 6. С. 3–89.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
- Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // Советская археология. 1968. № 1. С. 263–268.
- Ожередов Ю.И. Археологические коллекции с территории Среднего Притомья в собраниях Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 76–81.
- Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 120–135.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Худяков Ю.С. Стрелы Елыкаевской коллекции // Кузнецкая старина: История и памятники Южной Сибири и Кузнецкого края. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1993. Вып. 1. С. 46–57.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Ширин Ю.В., Хаврин С.В. Комплексы второй четверти I тыс. н. э. из Томского могильника // От Римского Лимеса до Великой Китайской Стены / Stratum plus. 2012. № 4. С. 239–255.

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2017 г.

Shirin Yuriy V.

THE COMPOSITION OF THE ELYKAYEVO COLLECTION*

Abstract. The Elykayevo collection comprises one of the richest weapons ‘hoards’ of Western Siberia. It has a complicated history of formation, not all of which is objectively documented. We do not know under what circumstances some of the exhibits were included or lost. In publications on the Elykayevo ‘hoard’ researchers have given contradictory information on the collection’s composition. Doubts about the completeness of the Elykayevo collection generated discussions on the chronology and cultural affiliation of the complex. We have compiled the full list of the Elykayevo collection kept in the depositories of Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia (National Research Tomsk State University). The conducted research helped identify that lost items in the modern part of the collection have been substituted by new ones, and all of the latter were early medieval artifacts that stand out noticeably against the background of the Elykayevo ‘hoard’ armaments. The article studies

features of the collection items that have not been considered in previous publications. Based on the evidence found, the Elykayevo complex is ever more likely to be dated back to the end of the Early Iron Age (the first half of the first millennium AD). More precise dating of this complex requires a special investigation. There is a high probability that there are still some latent substitutes present in the collection. The collection may also contain items dated to the chronological period of its basic composition but taken from other complexes. Such items include almost all the cult casting products. In addition, a set of archival documents dated to the period of discovery of the 'hoard' was identified; these helped create an objective picture of the basic composition of the Elykayevo collection.

Keywords: Western Siberia, Elykayevo collection, cult casting, weapons 'hoards'.

* The research was supported by The Mendeleyev Science Foundation of Tomsk State University.

DOI: 10.17223/2312461X/17/8

References

- Ermolaev A. *Ishimskaia kollektsiia: Opisanie kollektsii Krasnoiarskogo muzeia. Otdel arkheologicheskii* [The Ishim collection: a description of the Krasnoyarsk museum collection, The archaeological department]. Krasnoyarsk, 1914. Vol. 1. 19 p., 8 tables.
- Ziniakov N.M. Tekhnologiia proizvodstva zheleznykh predmetov Elykaevskoi kollektsii [Technology of production of the Elykayevo collection's iron items], *Iuzhnaia Sibir' v skifo-sarmatskuiu epokhu* [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian era]. Kemerovo: Izd-vo Kem. un-ta, 1976, pp. 106–114.
- Ziniakov N.M. *Istoriia chernoi metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaia* [The history of iron metallurgy and blacksmith craft in ancient Altai]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1988. 276 p.
- Martynov A.I. Pamiatniki i otdel'nye nakhodki predmetov skifo-sarmatskogo vremeni v Tomsko-Eniseiskom lesostepnom raione [Some finds and items dated to the Scythian-Sarmatian era found in the Tomsk-Yenisei forest-steppe region], *Izvestiia laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [Bulletin of the Laboratory for Archaeological Research]. Kemerovo: Novokuznetskii poligraf. kombinat, 1973. Vol. 6, pp. 3–89.
- Martynov A.I. *Lesostepnaia tagarskaia kul'tura* [The forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka, 1979. 208 p.
- Mogil'nikov V.A. Elykaevskaia kollektsiia Tomskogo universiteta [The Elykayevo collection at the Tomsk University], *Sovetskaia arkheologiia*, 1968, no. 1, pp. 263–268.
- Ozheredov Iu.I. Arkheologicheskie kollektsii s territorii Crednego Pritom'ia v sobraniiax Muzeia arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Archaeological collections from the Middle Tom River region in the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia depositories, Tomsk State University], *Muzei i nauka: k 35-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Museum and science: associated with the 35th anniversary of the Museum 'Archaeology, Ethnography, and Ecology of Siberia', Kemerovo State University]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 76–81.
- Plotnikov Iu.A. «Klady» Priob'ia kak istoricheskii istochnik ['Hoards' of the Ob River region as a historical source], *Voennoe delo drevnego naseleniia Severnoi Azii* [Ancient population's military art in Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 120–135.
- Solov'ev A.I. *Voennoe delo korennoho naseleniia Zapadnoi Sibiri* [Indigenous population's military art in Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 193 p.
- Khudiakov Iu.S. Strely Elykaevskoi kollektsii [Arrows from the Elykayevo collection], *Kuznetskaia starina: Istoriia i pamiatniki Iuzhnoi Sibiri i Kuznetskogo kraia* [The old times of

- blacksmithing: the history of and archaeological finds in Southern Siberia and the Kuznetsk region]. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaia krepost'», 1993. Vol. 1, pp. 46–57.
- Chindina L.A. *Istoriia Srednego Priob'ia v epokhu rannego srednevekov'ia* [The history of the Middle Ob River region in the Early Middle Ages]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1991. 184 p.
- Shirin Iu.V. *Verkhnee Priob'e i predgor'ia Kuznetskogo Alatau v nachale I tys. n.e. (pogrebal'nye pamiatniki fominskoi kul'tury)* [The Upper Ob River region and the foothills of the Kuznetsk Alatau in the beginning of the first millennium AD (burial artifacts of the Fominsk culture)]. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaia krepost'», 2003. 288 p.
- Shirin Iu.V., Khavrin S.V. Kompleksy vtoroi chetverti I tys. n.e. iz Tomskogo mogil'nika [The complexes of the second quarter of the first millennium AD from the Tomsk burial ground], *Ot Rimskogo Limesa do Velikoi Kitaiskoi Steny / Stratum plus*, 2012, no. 4, pp. 239–255.